

НАШИ ЗА ГРАНИЦЕЙ

ПУБЛИКА УСЕРДНО РАБОТАЛА ЛАДОНЬЯМИ

Триумф «Виртуозов Москвы» в Нью-Йорке

Владимир Спиваков, и его «Виртуозы Москвы» добились того, о чем многие другие музыканты могут лишь мечтать: в Америке у них есть своя постоянная публика. Преданные почитатели с нетерпением ждут ставших уже традиционными ежегодных турне Спивакова и его оркестра по США. Раскупленные билеты и горячие овации после концерта практически гарантированы. Восхищенные рецензии — тоже.

В этом смысле недавний вечер «Виртуозов Москвы» в «Карнеги-холл» можно было бы назвать типичным. Но слово это здесь явно не подходит. Несмотря на то, что у них за плечами длинная вереница программ (свой тысячный концерт «Виртуозы Москвы» сыграли еще в апреле 1992 года), Спиваков «со товарищи» к каждому своему появлению на эстраде продолжают относиться с трепетной восторженностью.

Это, пожалуй, главное, что поразило меня в нью-йоркском выступлении ансамбля. Время сейчас здесь жесткое, утомительное. Музыканты быстро теряют молодую наивность. В самых отшлифованных интерпретациях дает себя знать усталая рутина. Подобного профессионального цинизма я вообще не услышал в игре «Виртуозов Москвы». Они музицируют с неистребимым романтическим флером. И это при сверхнасыщенном, изматывающем расписании!

Меня, честно говоря, особенно волновало, как подойдут «Виртуозы Москвы» к Третьему квартету Шостаковича, который они показали в превосходном переложении для камерного оркестра. Квартеты Шостаковича сейчас очень популярны в Америке, их здесь заслуженно относят к вершинам музыки XX

века. Но вот беда: хороших записей почти нет, в интерпретациях обычно подчеркивается сугубо моторная сторона. А ведь в характере Шостаковича, который «прошел» через жестокую жизнь, всегда чувствовались какие-то детские черты. Болезненная, угловатая инфантильность нашла отражение и в его музыке, но ее нужно там отыскать, а это возможно лишь при чутком душевном настрое. В интерпретации Спивакова эта сторона характера Шостаковича — «петроградского дитя» — была раскрыта удивительно.

Следует, конечно, говорить именно об интерпретации Спивакова, потому что он выступает здесь как настоящий дирижер, а не просто как руководитель камерного оркестра. Но музыканты «Виртуозов Москвы» — его единомышленники. Без такого единомыслия столь трепетная трактовка доверительных признаний Шостаковича была бы невозможной.

Ансамбль Спивакова способен поразительно меняться в течение одного вечера. «Дивертисмент» Бартока они сыграли со стихийным напором. Ведь Барток — «крестьянский» композитор, в то время как Шостакович, конечно же, «городской». В трактовке «Виртуозов Москвы» получилось, что эти два автора как бы боролись на сцене «Карнеги-холл» за внимание аудитории. Чтобы их сочинения ненароком не «сцепились», Спиваков поставил между ними один из гайдновских скрипичных концертов, в котором солировал.

На бурные волны музыки XX века было пролито «успокаивающее масло» века XVIII. У Спивакова, спешу подтвердить, по-прежнему дивный звук. А его внимание и вкус к отточенной детали не дали американским меломанам возможности расслабиться и на музыке Гайдна. Это была программа, которая требовала активного слушательского участия. Нью-йоркская публика получила богатую пищу и для эмоций, и для ума, а в конце вечера усердно поработала и ладонями.

**Соломон ВОЛКОВ.
НЬЮ-ЙОРК.**